

*А что, если есть Бог?
Что, если есть рай?
Что, если есть ад?
И что, если... так, в виде предположения...
мы все уже в этом аду?*

Пролог

*Среда, 6 января 2016 года,
9 часов 52 минуты утра*

— **Б**ога нет, факт.

Старший инспектор Эмили Бакстер посмотрела на свое отражение в зеркальном окне допросной комнаты, ожидая от внимающей ей аудитории хоть какой-то реакции на эту неприглядную истину.

Тишина.

Выглядела она ужасно: вместо тридцати пяти на все пятьдесят. Ее верхняя губа была зашита плотными темными нитками, которые туго натягивались каждый раз, когда она начинала говорить, — напоминая о вещах, о которых она предпочла бы навсегда забыть. Ободранная кожа у нее на лбу отказывалась заживать, переломанные пальцы стягивал бинт, влажная одежда скрывала еще дюжину повреждений на теле.

Напустив на себя скучающий вид, старший инспектор повернулась к двум мужчинам, сидевшим за столом напротив. Все молчали. Она зевнула и стала теревить свои длинные каштановые волосы, поглаживая неповрежденными пальцами пряди, спутавшиеся в тугий комок, когда она израсходовала трехдневный запас сухого шампуня. Ей было глубоко наплевать, что последние произ-

несенные ею слова явно оскорбили специального агента Синклера, импозантного лысого американца, который царапал что-то на листе бумаги с какой-то замысловатой шапкой.

На фоне элегантно одетого иностранца Эткинс, занимающийся в столичной полиции вопросами координации, производил весьма посредственное впечатление. Последние пятьдесят минут Бакстер усиленно пыталась представить, какого цвета была его грязно-бежевая рубашка на заре своей жизни. На его шее свободно болтался галстук, словно накинутая человеколюбивым палачом петля, свисающий конец которого не мог скрыть свежее пятно от кетчупа.

Наконец, Эткинс посчитал затянувшуюся паузу сигналом продолжить разговор.

— Видимо, вы имели много *интересных* бесед со специальным агентом Рушем, — заявил он.

На его бритой голове выступил обильный пот, выступивший по вине мощной лампочки и обогревателя в углу, гнавшего горячий воздух и превратившего четыре снежных следа на линолеуме в грязные лужи.

— В смысле? — спросила Бакстер.

— В смысле, если верить его досье...

— К черту досье! — перебил его Синклер. — Я работал с Рушем и знаю наверняка, что он всегда был благочестивым христианином.

Американец бегло просмотрел содержимое аккуратно пронумерованной папочки, лежащей слева о него, и извлек документ, изукрашенный почерком Бакстер.

— Как и вы, судя по анкете, заполненной вами перед вступлением в нынешнюю должность.

Он спокойно выдержал взгляд Бакстер, смакуя тот факт, что эта взрывная женщина опровергла сама себя, — будто теперь, когда ему удалось доказать, что она при-

Палач

держивается одной с ним веры и просто пытается его спровоцировать, равновесие в мире было восстановлено. Бакстер, однако, оставалась бесстрастной, как всегда.

— Я вынуждена констатировать, что люди, в большинстве своем, идиоты, — начала она, — очень многие из них руководствуются неверным представлением, что глупая доверчивость и строгие моральные устои каким-то образом связаны друг с другом. Мне просто хотелось повышения зарплаты.

Синклер возмущенно покачал головой, будто не веря своим ушам.

— Стало быть, вы солгали? Вам не кажется, что это не очень-то вяжется со строгими моральными устоями?

— Зато очень даже вяжется с глупой доверчивостью, — пожала плечами Бакстер.

С лица Синклера исчезла улыбка.

— А почему вы так хотите обратить меня в свою веру? — спросила она, не устояв перед соблазном уязвить собеседника.

Он вскочил, перегнулся через стол и завопил:

— Вы забываетесь, старший инспектор! Погиб человек! Бакстер и глазом не моргнула.

— Не он один... — тихо ответила она и тут же решила подпустить яду. — Но вы по какой-то непонятной причине тратите время, причем не только свое, но и мое, проявляя странное участие к тому единственному, кто заслужил смерти!

— Мы просто хотим кое-что узнать, — вмешался Эткинс, пытаясь разрядить обстановку, — рядом с телом была обнаружена улика... скажем так, религиозного свойства.

— Ее мог оставить кто угодно, — возразила Эмили.

Собеседники обменялись взглядами, по которым она определила, что ей рассказали далеко не все.

Дэниел Коул

— Вы располагаете какими-либо сведениями о нынешнем местонахождении специального агента Руша?

— Насколько мне известно, агент Руш мертв! — гневно бросила она.

— Вы действительно на этом настаиваете?

— Насколько мне известно, агент Руш мертв! — повторила Бакстер.

— Значит, вы видели его те...

Доктор Престон-Холл, штатный психотерапевт столичной полиции, четвертый участник этой беседы, откашлялась. Синклер осекся, уловив невысказанное предупреждение, откинулся на стуле, закатил глаза и отвернулся к зеркальному окну. Эткинс нацарапал что-то в своем засаленном блокноте и придвинул его к врачу.

Доктор была ухоженной женщиной немного за шестьдесят. Ее дорогие духи в сложившейся ситуации играли роль освежителя воздуха, правда, неспособного затмить всепоглощающий запах отсыревшей обуви. Весь ее вид демонстрировал непринужденную властность, она с самого начала недвусмысленно дала понять, что прекратит беседу в любой момент, если посчитает, что характер задаваемых вопросов нарушит процесс восстановления душевного равновесия ее пациентки. Она медленно взяла покрытый кофейными пятнами блокнот и прочла адресованное ей сообщение с видом школьной учительницы, перехватившей тайную записку.

Весь этот час доктор хранила молчание и теперь тоже не посчитала нужным его нарушать, поэтому в ответ на письменный вопрос Эткинса лишь отрицательно покачала головой.

— Что там? — спросила Бакстер.

Доктор ничего не ответила.

— Что там? — повторила свой вопрос детектив и повернулась к Синклеру. — Спрашивайте.

Палач

Того явно раздирали противоречия.

— Спрашивайте, — опять сказала Бакстер.

— Эмили! — вскинулась психиатр. — Больше ни слова, мистер Синклер!

— Да скажите уже, чего там, — с вызовом воскликнула Бакстер, и ее голос заполнил собой все небольшое помещение. — Вы хотите узнать про метро?

— Разговор окончен, — заявила доктор Престон-Холл и встала.

— Спрашивайте! — крикнула поверх ее головы детектив.

Чувствуя, что от него ускользает последний шанс получить ответы на свои вопросы, Синклер рискнул, решив, что о последствиях можно будет подумать и потом:

— Если верить вашим показаниям, среди погибших был и специальный агент Руш.

Доктор Престон-Холл в отчаянии воздела руки.

— Не вижу в ваших словах вопроса, — сказала Бакстер.

— Вы видели его тело?

Впервые за все время Синклер заметил, что Бакстер осеклась, но отнюдь не обрадовался ее затруднению и лишь испытал чувство вины. После его вопроса глаза женщины остекленели, она мысленно вернулась на ту злополучную станцию метро, на мгновение попав в плен воспоминаний. Ее голос надломился, когда она шепотом ответила:

— Если бы не видела, не говорила бы.

Вновь повисла напряженная пауза, и каждый задумался о том, сколько мучений содержит в себе эта простая фраза.

— Каким он вам показался? — выпалил Эткинс вопрос, так и не додумав его до конца, когда тишина стала невыносимой.

Дэниел Коул

— Кто?

— Руш.

— В каком смысле? — спросила Бакстер.

— Эмоциональное состояние.

— Когда?

— Во время вашей последней встречи.

Она на несколько мгновений задумалась, потом искренне улыбнулась:

— Он почувствовал облегчение.

— Облегчение?

Бакстер кивнула.

— Вы, видимо, его любили, — продолжал Эткинс.

— Не особо. Он был умным и компетентным коллегой... но при этом обладал рядом явных недостатков, — добавила она.

Ее огромные карие глаза, подчеркнутые темным макияжем, смотрели на Синклера в ожидании реакции. Она закусила губу и вновь посмотрела в зеркало, будто проклиная кого-то, кто стоял за ним, за это мучительное испытание.

Эткинс взял на себя труд закончить разговор. У него под мышками проступили два темных пятна, но он даже не заметил, что обе женщины тихонько отодвинули стулья сантиметров на пять от стола.

— Вы вызывали к нему домой обыск, — сказал он.

— Вызывала.

— Но тогда получается, что он не внушал вам доверия.

— Не внушал.

— А сейчас не испытываете к нему никакой дружеской привязанности?

— Абсолютно никакой.

— Что он сказал вам напоследок?

— Мы закончили? — спросила Бакстер, явно испытывая нетерпение.

Палач

— Почти. Ответьте, пожалуйста, на мой вопрос.

Он сел и занес ручку над блокнотом.

— Я хочу это прекратить, — сказала Бакстер доктору Престон-Холл.

— Разумеется, — сурово ответила та.

— Есть ли какая-то причина, по которой вы не можете ответить на такой простой вопрос? — слова Синклера распорили комнату.

— Ну хорошо! — в бешенстве воскликнула Бакстер. — Я вам скажу.

Она обдумала свой ответ, перегнулась через стол и посмотрела американцу прямо в глаза:

— Никакого... Бога... нет... — с ухмылкой бросила она.

Эткинс отшвырнул ручку, Синклер вскочил, оттолкнул стул, с грохотом поехавший по полу, и выбежал из комнаты.

— Отлично, — устало вздохнул Эткинс, — спасибо за *сотрудничество*, старший инспектор. Теперь мы действительно закончили.

Пятью неделями ранее...

Глава 1

*Вторник, 8 декабря 2015 года,
6 часов 56 минут утра*

Замерзшая река скрипела и трещала, будто ворочаясь во сне в сияющих огнях мегаполиса. Разномастные суда, скованные во льду и всеми забытые, постепенно заносило снегом, а остров и материк на какое-то время вновь стали одним целым.

Когда из-за рваной линии горизонта выползло солнце и мост окутался оранжевым светом, на лед под ним легла окоченевшая тень: под внушительных размеров аркой путаницей покрытых снегом проводов показалась железная паутина, поймавшая ночью в свои сети жертву.

Бесформенной, искореженной массой, затмив собой лучи дневного светила, висело истерзанное тело Вильяма Коукса, чем-то напоминая муху, поотрывавшую себе лапки и крылышки в отчаянной попытке освободиться.

Дэниел Коул

Глава 2

*Вторник, 8 декабря 2015 года,
6 часов 39 минут вечера*

К окнам Нью-Скотленд-Ярда жалась ночь, огни города расплывались в потеках осевшего на стеклах конденсата.

Если не считать двух коротких отлучек в туалет и похода в кладовку с канцелярскими принадлежностями, Бакстер с самого утра не покидала свой кабинет в отделе по раскрытию убийств и других тяжких преступлений, больше похожий на чулан. Она без конца поглядывала на кипу бумаг, шатко балансировавших на краю стола над корзиной для мусора, старательно подавляя природный инстинкт, побуждавший с силой ткнуть ее в нужном направлении.

В тридцать четыре года она стала одной из самых молодых женщин, когда-либо получавших звание старшего инспектора столичной полиции, хотя этот ее взлет по карьерной лестнице не был ни ожидаемым, ни особо желанным. И вакантное место, и последующее назначение Эмили на эту должность, в других обстоятельствах для нее недостижимую, стали результатом единственно дела о Тряпичной кукле и задержания ею минувшим летом печально известного серийного убийцы.

Преыдущий старший инспектор, Терренс Симмонс, был вынужден уйти на пенсию по причине слабого здоровья, которое, как все подозревали, ухудшилось еще больше после угрозы командера уволить его, если он не согласится написать рапорт об отставке, — показатель жест, адресованный разгневанной публике, привычная жертва, призванная убажить разгневанных богов.

Палач

Бакстер разделяла чувства большинства коллег: ей было противно, что из предшественника сделали козла отпущения, но в душе она испытывала облегчение от того, что эта роль досталась не ей. Она даже не думала писать рапорт о переводе на новую должность до тех пор, пока командер сама не сообщила ей, что место достанется ей, если на то будет ее желание.

Она оглядела свою крохотную клетушку, с грязным ковром на полу и ржавым сейфом (кто знает, какие важные бумаги похоронены на дне этого ящика, который ей никогда не удавалось открыть?), и вдруг подумала, что зря тогда согласилась.

Из офиса донеслось приветственное восклицание, но Бакстер его даже не услышала, потому что уже вернулась к рассмотрению жалобы на детектива Сондерса. Автор петиции обвинял детектива в том, что тот, описывая его сына, использовал бранное слово. Бакстер слово показалось излишне мягким. Она начала выстукивать на клавиатуре официальный ответ, дойдя до середины, утратила к нему всякий интерес, скомкала жалобу и швырнула ее в сторону корзины для мусора.

В дверь робко постучали, и в кабинет скользнула невзрачная женщина-полицейский. Она собрала и выбросила бумаги, попавшие мимо корзины, потом, будто заправский игрок в дженгу, положила на вершину кипы, вот-вот готовой сверзиться вниз, несколько новых документов.

— Прошу прощения за беспокойство, — сказала она, — однако детектив Шоу вот-вот начнет свою речь. Мне кажется, вам надо при этом присутствовать.

Бакстер громко выругалась и уперлась лбом в стол.

— О господи! — простонала она, слишком поздно вспомнив, что забыла купить подарок.

Тщедушная девушка застыла в неловкой позе, ожидая дальнейших распоряжений, но через несколько

мгновений тихо вышла из комнаты, не уверенная до конца, что Эмили не уснула.

С трудом придав телу вертикальное положение, Бакстер вышла в офис, где вокруг стола детектива-сержанта Финли Шоу собралась небольшая толпа. На стене красовался приклеенный скотчем плакат, который сам Финли двадцать лет назад купил по случаю проводов на пенсию давно забытого коллеги:

ЖАЛЬ, ЧТО ТЫ УХОДИШЬ!

Рядом с ним на столе выстроилась вереница несвежих пончиков из супермаркета. На коробках виднелись скидочные наклейки, знаменовавшие собой пройденный ими за три дня путь от неаппетитных до совершенно несъедобных.

Скрипучим голосом детектив-шотландец озвучил свою последнюю перед пенсией угрозу съездить Сондерсу по физиономии. И хотя сегодня присутствующие встретили ее вежливым смехом, в прошлый раз она закончилась сломанным носом, двумя слушаниями дисциплинарной комиссии, а для Бакстер — еще и многочасовым заполнением всевозможных бумажек.

Подобные мероприятия она ненавидела: проводы после десятилетий опасной службы в полиции, оставившей множество воспоминаний, о которых любой предпочел бы забыть, всегда казались ей верхом бестактности и фальши, неизменно принося одни лишь разочарования. Она держалась сзади, вместе со всеми улыбкой поддерживая друга, и с теплотой смотрела на него. Детектив Шоу был ее последним надежным союзником и единственным человеком, которому она была здесь рада. Теперь он уходил, а она даже не купила ему открытку.